
ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗОВ ПРИКАЗНЫХ ЛЮДЕЙ В РУССКОЙ БАСНЕ XVIII—XX ВВ.: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С.С. Микова

Кафедра русского языка и методики его преподавания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются основные языковые средства, участвующие в создании образа приказных людей в русской басне. Выявляется обусловленность выбора языковых средств не только индивидуальной манерой определенного баснописца, но и социально-исторической обстановкой. Возникновение и развитие басенных стереотипов описано во взаимосвязи с интерпретацией этих образов в произведениях устного народного творчества.

Ключевые слова: национально-культурный компонент, реалия, языковые средства, эпитет, сравнение, перифраза.

Басня по праву считается «важным звеном в становлении национальной литературы, в выражении национального характера» [2. С. 5] в силу своей необычайной популярности и близости к народному творчеству. Эта близость проявляется не только в особенностях языка, но и в выборе образов, манере изображения представителей тех или иных социальных, профессиональных и т.п. групп, в выражаемых идеях и отношениях. Возникновение множества басенных стереотипов можно объяснить традицией, берущей свое начало от произведений устного народного творчества. А поскольку трансформации того или иного образа обусловлены не только особенностями индивидуального мировидения автора, но и объективными историческими процессами, динамика образов дает информацию об изменениях, происходивших в российском обществе.

Мы рассмотрим особенности интерпретации социальной тематики в различные исторические периоды на примере образов приказных людей — стряпчих, подьячих, судей и т.д. Эти образы интересны тем, что никогда не получают положительных характеристик: русские люди всегда отрицательно относились к представителям административно-управленческого аппарата. Исследователь русского фольклора Ю.М. Соколов полагает, что это оборотная сторона идеологии наивно-монархизма: с одной стороны, создание несколько идеализированного образа царя, а с другой — «резко отрицательное отношение к местным властям, непосредственно соприкасавшимся с крестьянской массой» [3. С. 235]. Эти люди традиционно именовались крючкотворами, изначально безоценочно, из-за особенностей почерка, а потом слово «крючок» развило значение «придирка, кривое направление в деле»; само слово «подьячий» в словаре В.И. Даля даже обозначено пометой «бранное». Основной причиной такого отношения к этому слою населения было взяточничество. Взятничество судей и приказных подчеркивается такой деталью их внешнего вида, как огромный карман (*Вся подкладка — один карман; Ах, судья, судья: четыре полы, восемь карманов*). Русские пословицы и поговорки описывают приказных как людей жадных (*Сколько увидит денег, столько и давай*), беспринципных (*Приказный и со смерти на вино просит*), лживых

(*Левизною судья силен*). В некоторых пословицах приказный становится зловещим образом, связывается с понятиями «черт», «дьявол»: *Приказный черту брат; Подьячим и на том свете хорошо: умрет, прямо в дьяволы*. Подьячий характеризуется отсутствием души: *У подьячего светлая пуговка души заместо; Подьяческая душа на нитке висит*. Образ приказных противопоставлен концептам «Бог», «закон», «правда»: *Силен судья, да силен и Бог; Законы святы, да судьи крючкваты*.

Образы русских пословиц и поговорок стали основой для басенных речевых и ассоциативных образов. Нередко пословицы и поговорки — в виде целых сентенций, перифраз, сравнений — входят в состав басен: «сын собачий... // А попросту бессовестный подьячий» (А.П. Сумароков. «Лисица и Терновый куст»; ср. с пословицей *Подьячий породы собачей*); «Не бойся, говорят, суда, // А бойся вот судьи» (А.Е. Измайлов. «Скотское правосудие»). Тем не менее у представителей различных басенных школ в разные исторические периоды ведущими становятся какие-то определенные мотивы.

Школа А.П. Сумарокова, зародившаяся в 50-х гг. XVIII в., в основном ориентируется на описание социальных пороков, поэтому ведущей темой здесь является негативная роль приказных в обществе. Наиболее суровой критике приказные подвергаются за взяточничество. В связи с этим в произведениях А.П. Сумарокова часто появляется слово «красть», заменяемое перифразами «подьяческая страсть», «приказный грех». Данные перифразы демонстрируют, насколько прочно в понятии русского человека были связаны взяточничество и приказные. Мотив сопоставления подьячих и воров развивается в басне М.И. Попова «Два вора»: по его мнению, служащие от обычных разбойников отличаются только тем, что «в золоте и титлами надуты». Эпитеты «бездушный», «бессовестный» говорят об отсутствии моральных принципов у подьячих (см. басни А.П. Сумарокова, А.Е. Измайлова); эпитет «плут» (А.Е. Измайлов) — о хитрости; связано с подьяческой практикой и слово «уловка» (см. басню А.О. Аблесимова «Приказная уловка»). У судей басни выделяют в качестве характерной черты глупость: эпитет «несмысленные» (А.П. Сумароков), «во весь он век // Не выучил ни одного указа» (А.П. Сумароков), «не смыслит ничего в делах» (А.Е. Измайлов). Этими же чертами обусловлен выбор аллегорических персонажей в басне А.Е. Измайлова «Скотское правосудие»: «Осел там [в суде] был судья, а секретарь Лисица».

Национальный колорит басен А.П. Сумарокова и представителей его школы обеспечивается обилием слов-реалий, среди которых присутствуют наименования должностей, документов, учреждений, типичных предметов одежды. В басне «Подьяческая дочь» А.П. Сумароков описывает головные уборы и одежду, которые по традиции носили жены и дочери приказных, — чепец, треух, соболья шапка, «кумачна телогрея // От самых пят по шею». Неслучайно дочь подьячего, которого казнили за взяточничество, желая скрыть свое происхождение, надевает корнет и флеровый салоп. О старинном способе оформления приказных документов говорит слово «тетрадь», которое в басне А.Е. Измайлова «Приказные синонимы» употреблено в устаревшем значении: это лист бумаги, сложенный вдвое.

В баснях представителей школы А.П. Сумарокова отражены значимые события общественной жизни. Неоднократно упоминается «указ», о котором, например, не помнят подьячие в басне «Болван» А.П. Сумарокова. Современникам баснописца было ясно, что речь идет об указе Екатерины II 1762 г., запрещавшем приказным брать взятки под угрозой уголовного наказания. Откликом на этот указ является и басня А.П. Сумарокова «Шершни», где в образе Шершней представлены «падкие на деньги» подьячие, а в образе Хозяйки, которая «всю тварь... перещелкала», — Екатерина. Об этом же указе говорится и в басне «Два Вора», написанной М.И. Поповым; он говорит о жестоком наказании за взяточничество, равному наказанию за разбой и воровство. И взяточнику-служащему, и вору «кнут грозит отверсти двери гроба». Отметим, что басни более позднего периода передают разочарование общественности в действии указа. Басня А.О. Аблесимова «Приказная уловка», опубликованная в 1781 г., свидетельствует о том, что «подьячески головки» нашли способ обойти указ «надежными уловками»: деньги просители проигрывали писцам в карты. Единственным результатом действия указа, таким образом, явилось то, что взяточничество стало скрытым. Способом выманить деньги у просителя становится намеренное затягивание дела, как в басне А.Е. Измайлова «Приказные синонимы». Проситель вынужден ждать определения по своему делу больше месяца, и в течение этого месяца он постоянно слышит от секретаря, что нужно «доложить». В конце концов повытчик поясняет ему, что «доложить // Все то же, что и приложить», т.е. увеличить сумму взятки.

В баснях А.П. Сумарокова и его последователей отражены особенности речевого поведения приказных. Сопоставление речевого поведения секретаря и просителя в басне А.Е. Измайлова «Приказные синонимы» наглядно демонстрирует значимость приказных. Проситель (который, кстати, «прав был и богат») использует слова и обороты, характерные для обращения нижестоящего к вышестоящему: «батюшка», «когда б сегодня можно», «осмелюся спросить». Тон секретаря и повытчика снисходителен и самоуверен: «Все знаю!»; «Ведь я сказал тебе, что доложить мне должно»; «Учи вас, бестолковых!»...

В баснях критикуется стиль приказных документов, который характеризуется излишней многословностью и отсутствием важной информации: «Напорют целую тетрадь, // Пропишут, спутают, завяжут, // И грамотному не понять, // А настоящего и дельного не скажут» (А.Е. Измайлов. «Приказные синонимы»). «Крючковатость», то есть неясность стиля официальных бумаг, и обилие в нем архаичных элементов описываются и в басне «Правда, Порок и Обман» В.И. Майкова: «Понеже-де она *понеже* презирает, // Так тем она весь штиль приказный наш ругает».

Немного иначе представлены приказные люди в баснях М.М. Хераскова и его последователей. Басенная школа Хераскова, возникшая в 60—80-е гг. XVIII в., развивает дидактико-философское направление русской басни, нередко превращая басню в «этико-философский трактат» [1. С. 61]. Изображение социальных проблем носит поверхностный характер: «Умеют стряпчие безделье говорить» (М.М. Херасков. «Живописец и Сапожник»). В басне И.И. Хемницера «Два Соседа» критикуются скорее не судьи, обобравшие судящихся до нитки, а соседи, которые из-за нежелания уступить друг другу «все животы судьям перетаскали».

В басне появляется глагол, описывающий весьма распространенное в России явление, — «просудиться», т.е. разориться из-за участия в тяжбах. В басне этого же автора «Лев, учредивший совет» также критикуются не глупые судьи Ослы, а Лев, который в силу своей недалекости ввел их в совет ради соблюдения внешней формы («а устав ужли переступить?»).

Еще более обобщенным становится образ судьи в прозаической басне XVIII столетия, у которой, по мнению исследователей, «не было национального лица» [1. С. 78]. Здесь нет указания на какие бы то ни было реалии, не проводится аналогий с событиями русской истории. Вновь речь идет о человеческих качествах судей, ведущей категорией здесь становится категория чистоты, т.е. свободы от пороков, за которые судьи должны судить других людей: «Судья, очисти прежде свои руки от грабительств, потом подпиши чистою рукою приговор...» (басня В.Т. Золотницкого «Волк и Лисица»). Однако баснописцы-прозаики не оставляют без внимания и общественную роль судей. Важной категорией оценки деятельности судей становится польза («наблюдая пользу народа», «полезный член общества») и справедливость. Помимо отсутствия лица национального, у судей Золотницкого отсутствует и социальное лицо — представители судейства говорят на том же языке, что и представители других сословий. Речь всех персонажей и самого автора отличается обилием книжной лексики («учиненный», «грабительство», «чрез сие», «правосудие», «сей», «вредительный злодей», «простирает»), синтаксис ее осложняется большим количеством причастных и деепричастных оборотов, сложными предложениями с 4—5 частями, инверсией. Патетичность речи придают риторические вопросы («Что более всего разоряет совершенство общества, как несправедливость на суде?»); «Не одинакое ли имеют сложение и не тот ли самый получают конец, как и другие?»).

Эстетические принципы школы Хераскова были развиты в творчестве сентименталистов конца XVIII в. — первого десятилетия XIX в., в частности И.И. Дмитриева. Вместо горьких саркастических замечаний, характерных для творчества сумароковцев, появляется легкая ирония, важную роль играют умолчания: «Хвалилась Стрелка часовая, // Меж тем как бедная пружина, продолжая // Невидимый свой путь, давала Стрелке ход! // Пружина — Секретарь, а Стрелка, между нами... // Но вы умны: смекайте сами» (И.И. Дмитриев «Часовая Стрелка»). Как видим, на смену Секретарю-взяточнику приходит трудолюбивый человек, плоды труда которого не оценены по достоинству (невидимый путь), отношение автора к секретарю сочувственное (бедная пружина). Вновь критика касается человеческих качеств, а не социальных пороков. Например, в басне И.И. Дмитриева «Сверчки» судья критикуется не за взяточничество, а за то, что готов «Богатому служить, пред сильным пресмыкаться». Как любого другого представителя человеческого общества, автор критикует судью за двуличность, наличие «двух человек в одном: // Парадного с приватным».

В первой половине XIX в. в изображении судейства снова ведущим становится мотив взяточничества. Стряпчие в басне Н. Мацнева «Сталь и Кремень» именуется «саранчой», взяточничество с иронией называется П.П. Лобысевичем (басня «Медведь и Лиса») «подьяческими мытарствами». Иллюстрацией русской

пословицы «Подьячий и со смерти за труды просит» является басня В.И. Тибеккина «Больной и Смерть». Увидев Смерть, Подьячий говорит, «подставя горсть: „К услугам, я подьячий“». Русские пословицы стали основой для басен А.Н. Нахимова. Огромные карманы приказных, указывающие на взяточничество, обыграны при гиперболическом изображении кафтана приказного (басня «Моль и Кафтан»): «Жил-был суконный великан, // Приказный версты Кафтан, // Отличный от других кафтанов // Ужасной глубиной карманов». Традиционные наименования приказных — алтынник, драч, крючок — появляются в басне Нахимова «Правда и Подьячий».

В традициях реализма развиваются основные мотивы, связанные с образом судейства, в баснях И.А. Крылова. Снова судьи критикуются за глупость и за неучастие в делах. Автор говорит об этом с иронией: «Судей таких видали, // Которые весьма умны бывали, // Пока у них был умный секретарь» («Оракул»); «Наш воевода // В родню был толст, // Да не в родню был прост...» («Слон на воеводстве»). Говорится и о взяточничестве, а также о наказании за взятки: в басне «Лисица и Сурок» Лиса, бывшая судьей в курятнике, «выслана за взятки». Крылов также соотносит взяточничество с воровством, поэтому нелепой кажется ему ситуация, когда «у Климыча-судьи часишки вор стянул, // И он кричит на вора: караул!» (басня «Волк и Мышонок»). Взятничество ведет к необъективности суда. Лиса выносит «суровый» приговор Щуке — утопить разбойницу в реке, потому что «Щука Лисыньке снабжала рыбный стол». Особенности речи прокурора Лисы передают особенности судебных речей, здесь есть например, традиционные формы обращений («почтенные судьи»).

К 60-м гг. XIX в. образы судейства и чиновничества появляются все реже и реже и как бы мельчают. Это не гневное обличение социального зла, а карикатура, и вызывает она только смех. Вот как представлен чиновник в басне Козьмы Пруtkова «Чиновник и Курица»: «Чиновник толстенький, не очень молодой, // По улице с бумагами под мышкой, // Потая и пыхтя и мучимый одышкой, // Бежал рысцой».

Судьи возвращаются в басни в начале XX в. В баснях Д. Бедного и С. Михалкова, впрочем, критикуются не отдельные судьи, а вся судебная система в целом. Волку-живодеру (басня Д. Бедного «Волк-травоед») удается уйти от наказания благодаря своей оправдательной речи, в которой он говорит о том, что волки давно «не могут видеть кровь и слышать стоны, // На траву перешли и на зерно». Если же и случается им напасть на ягненка, то «только с целью самообороны». Бешеный Пес (одноименная басня С.В. Михалкова) прекрасно чувствует себя в камере, его хорошо кормят, к нему пускают родных. В это время вновь опрашивают свидетелей, а адвокаты Пса (новый объект сатирического изображения!), два Шакала, его «перед судом ретиво защищают». Басня С.В. Михалкова «Преступление и наказание» критикует судебную систему за то, что людей с разным социальным положением судят по разным законам, что от наказания можно спрятаться «за званья и чины». Отвечать за преступления в такой системе должны лишь «виноватые семена» (антономасия на основе распространенного имени простых людей).

Подведем некоторые итоги. Образ приказных представителей административно-управленческого аппарата появлялся в баснях на протяжении более чем двух

веков. Некоторые черты остались неизменными (взяточничество), другие со временем потеряли свою значимость (хитрость и изворотливость канцелярских служащих). Средства характеристики также изменялись. Если в XVIII в. это сарказм, эпитеты, основанные на сопоставлении приказных с дьяволом и вором, то в XIX в. — ирония, зачастую вызывающая просто смех, а не внимание к поднятой проблеме. Традиционно приказные характеризуются жадностью, беспринципностью, а судьи — глупостью и нежеланием вмешиваться в процесс судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ольшевская Л.А., Травников С.Н.* «Ох! Басни — смерть моя! Насмешки вечные над львами! Над орлами!» (история и теория русской басни XVII—XVIII вв.) // *Русская басня. История и теория жанра* / Отв. ред. С.Н. Травников. — М., 2007.
- [2] *Русская басня XVIII—XIX веков* / Составитель Н.Л. Степанов. — Л.: Советский писатель, 1977.
- [3] *Соколов Ю.М.* *Русский фольклор*. — М.: Изд-во Московского университета, 2007.

LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF THE IMAGES OF JUSTICIARIES IN RUSSIAN FABLES OF XVIIIth — XXth CENTURIES: LINGUOCULTURAL ANALYSIS

S.S. Mikova

Department of Russian Language and Methods of Its Teaching
Russian People's Friendship University
Miklucho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article labors the main language units used to create images of justiciaries in Russian fables. As it is shown in the article, the choice of different units depends not only on individual manner of writing, but also on social and historical conditions. The genesis of fable stereotypes is described in connection with their usage in Russian folklore.

Key words: national and cultural information, national objects entitlements, lingual means, epithet, comparison, periphrasis.